

Мелодия стихла, но на танцполе пары всё ещё застыли, обнявшись.

Джентльмен в маске увёл за собой рыжеволосую «красавицу» — мгновение, и они растворились в многоликой толпе.

В самом углу банкетного зала, в густой тени, куда почти не проникал свет люстр, только-что освободился большой круглый стол. Гости уже ушли, оставив после себя лишь белые тарелки с остатками ужина да небрежно скомканные багряные скатерти.

Двум тайным агентам, вынужденным изображать страстную парочку, решительно некуда было деться. Один в строгом смокинге, другой — в пышном платье. И как прикажете быть? Идти ли командиру Пэю за своим спутником в мужскую уборную, или Чжан-цзуну благородно уступить «даме» и пробраться в женскую? Чжан Шаочи, мужчина гордый и щепетильный в вопросах приличия, ни за что не согласился бы на свидание в дамской комнате. Но и вести свое очаровательное сокровище в мужской туалет, отдавая его на растерзание похотливым взглядам местных повес, он тоже не собирался.

Подавляя бушующее внутри желание, Чжан-цзун заприметил пустующий стол. Увлекая за собой Пэй И, он быстро подошел ближе, приподнял тяжелый край свисающей ткани и...

— М-м-м!..

Пэй И бесцеремонно втолкнули в убежище. Запихнуть под стол необъятные кринолины оказалось той еще задачей. Пэй И неловко плюхнулся прямо на пышный подол, и с его ног мгновенно слетели туфли на шпильках.

— Ну и поза у тебя... — раздался за его спиной тихий, откровенно издевательский смешок Чжан Шаочи. Ему очень хотелось съязвить, что в таком положении его суженый подозрительно напоминает наседку на яйцах.

Под столом было на удивление просторно. Тяжелая белоснежная скатерть почти касалась пола, едва прикрывая их лодыжки — невероятная удача. Но если бы кто-то догадался наклониться и заглянуть под стол, он непременно увидел бы начищенные мужские туфли Шаочи.

Вот так, без оглядки на приличия, в самой романтической стране мира, прямо посреди светского раута разыгрывалась сцена безумного любовного свидания.

Шаочи решительным жестом сорвал с лица Пэй И маску. Длинные ресницы Пэя дрогнули, отбрасывая на щеки изящные тени. Он почувствовал, как к лицу приливает жар смущения. Черт бы все побрал...

Пэй И терпеть не мог женские шмотки и влезал в них исключительно ради конспирации — дома он такими глупостями не баловался. Его лицо и без того кружило головы кому угодно, хоть мужчинам, хоть женщинам. Разве он в обычном мужском костюме недостаточно хорош? Более чем.

Чжан Шаочи осторожно перехватил его подбородок, заставив поднять лицо, и крепко, до боли надежно обнял. Сам он маску снимать не спешил — так и застыл в этом театральном, пугающем обличье, вылитый хищник в дорогом костюме, откровенно дразнящий свою жертву. Пэй И же оказался полностью безоружен. Мужская ладонь скользнула к тугому корсету, безжалостно рванув ткань в сторону, и Шаочи бесцеремонно проник внутрь.

— И как ты только все это туда запихнул? — низким, хриплым от нахлынувшего возбуждения голосом спросил Чжан Шаочи. — Даже ложбинка имеется.

— Если постараться, и не такое сотворить можно, — тихо рассмеялся Пэй И. На самом деле «аппетитные формы» были чистой иллюзией — Не Янь щедро наложила грим с мерцающим шиммером, чтобы прорисовать нужные тени.

Пэй И попытался было отстраниться, но куда там — разве вырвешься из этих тисков? Пальцы мужчины ласкали его под платьем, а взгляд, горевший за прорезями маски, был полон такой отчаянной, искренней страсти, что у Пэя перехватило дыхание. Это странное, почти порочное возбуждение мгновенно всколыхнуло воспоминания о прошлом. Шаочи всегда обожал подобные игры: оставаться при полном параде — в безупречном костюме, галстук, начищенных туфлях, — не снимая одежды, лишь расстегнуть ширинку и властно, собственнически смотреть сверху вниз на своего растрепанного, податливого любовника.

Первой неладное заподозрила Не Янь:

— Эй? А куда делся командир?

[Ноль-ноль-два]: — Только что тут стоял.

Пэй И, едва сдерживая стон, тихо выдавил в микрофон:

— Здесь я. Нормально.

[Ноль-ноль-один]: — Да где «здесь»? Я вас не вижу... Командир, с вами все в порядке?!

— Да... все хорошо... м-м-м...

Рука Шаочи скользнула еще ниже, под пышный подол. Пэй И закатил глаза и метнул на него уничтожающий взгляд, однако наглого, потерявшего всякий стыд нахала это не остановило.

— Так нетерпится пощупать? — шепотом спросил Пэй И, тщетно пытаясь поймать его руку. — Что, неужто на девочек потянуло?

Шаочи качнул головой и выдохнул ему в самые губы хриплым, глубоким шепотом:

— Мне нужен только ты.

Пэй И промолчал, но сердце его пропустило удар.

Эти четыре простых слова, сказанные от чистого сердца, стали для Пэй И самым желанным, самым соблазнительным откровением за все те долгие пять лет, что он прожил в невыносимом одиночестве и вечном напряжении.

Подобное взаимопонимание не рождается за день — за их плечами было без малого десять лет общей истории. Под ворохом шелка их пальцы переплелись. Ладонь Пэй И слегка взмокла от волнения; он крепко сжал правую руку Шаочи и, прижав ее к губам, нежно поцеловал кончики пальцев.

И в эту секунду его душу затопила вовсе не сладостная истома или пошлая похоть — это была чистая, щемящая благодарность.

Благодарность за то, что в столь отчаянный момент этот человек был здесь, рядом. И за то, что он не побоялся произнести эти слова вслух.

— И это всё? — насмешливо прошептал Чжан Шаочи. — Не трать патроны впустую, целуй туда, куда нужно.

«Старый пошляк, отвали!» — одними губами, беззвучно рассмеялся Пэй И.

Притаившись под столом точно два воришки, они поспешно обменялись новостями. Шаочи вполголоса рассказал, что днем прошелся по красной дорожке, побывал на показах и встретился с парой видных деятелей киноиндустрии ради обсуждения совместных проектов, но не заметил ровным счетом ничего подозрительного.

О Цзян Хане он пока говорить не стал — никаких следов пребывания Босса Цзяна в городе обнаружить не удалось. Вообще, этот человек держался от кинобизнеса подальше. По логике вещей, делать ему в Венеции было абсолютно нечего, а если бы он и решил приехать, то непременно предупредил бы Шаочи или договорился о встрече.

Но если Цзян Хань что-то скрывал и пробрался сюда тайно, дело определенно пахло керосином.

— Тот безумец, за которым вы охотитесь... Ты уверен, что он решится устроить бойню прямо во время фестиваля? — негромко спросил Шаочи. — Здесь сейчас собралась пресса со всего мира. Любая провокация, повлекшая за собой жертвы среди мирных жителей и туристов, вызовет такой резонанс, что теракт в Казерте покажется детской шалостью. Разве что он окончательно слетел с катушек и решил напоследок громко хлопнуть дверью?

Однако специалисты по трасологии из Римского филиала МКИА и агентурные источники в один голос утверждали: преступник уже в Венеции.

И что же он задумал? Неужто им тоже овладела жажда славы, и он собирается просто нацепить маску, красоваться на красной дорожке и мирно отчалить во свояси? Бред. Это исключено.

— Такие, как он, ищут максимального эффекта, — негромко отозвался Пэй И. — Выжидают момент, когда весь город погрузится в пучину праздника, а полиция будет сбиваться с ног от напряжения, чтобы нанести внезапный удар и бросить нам вызов. Это извращенная, но по-своему логичная стратегия обреченного смертника. Что ж, пускай тешит себя иллюзиями. Я костями лягу, но не позволю ему осуществить задуманное.

Чжан Шаочи молча всматривался в его глаза.

Несмотря на вызывающий макияж — ярко-оранжевые тени на веках и помаду на губах, — взгляд Пэй И оставался ледяным и собранным. В нем не было ни капли слабости или страха. Стоило наносному кокетству сойти с этого лица, как наружу проступила несгибаемая воля бойца, готового сойтись в схватке с любым противником. Пэй И всегда был таким: чем сильнее враг, тем яростнее его сопротивление.

И всякий раз, когда в этих глазах вспыхивал огонь подлинного ума и стойкости, Чжан Шаочи казалось, будто он заново открывает для себя этого человека.

И он тоже благодарил судьбу за то, что ему выпал этот шанс.

Кинофестиваль шел своим чередом. Множество оперативных сотрудников МКИА рассредоточилось по городу, ведя скрытое наблюдение. За эти дни нервы у всех натянулись до предела — казалось, еще немного, и эта невидимая струна с оглушительным треском лопнет.

Премьерный показ картины с участием Пэй Яня и офицера Чжуана прошел с оглушительным успехом. На родине об этом трубили все профильные издания, наперебой расхваливая ленту на все лады.

Глубокой ночью Пэй И иногда одалживал у Фань Гао его портативный терминал, чтобы тайком

полистать ленту Вэйбо. Единственной его отдушиной в эти сумасшедшие дни были светские сплетни вокруг его непутевого младшего брата. Он с улыбкой наблюдал, как личные блоги Пэй Яня прирастают миллионами новых подписчиков, как фанаты их экранной пары с Чжуан Сяо строчат тонны восторженных постов, и как сам Янь-бао от скуки ввязывается в яростные перепалки с сетевыми троллями, плодя новые поводы для скандалов.

Наступил вечер накануне официального открытия грандиозного венецианского карнавала. Темноволосый красавец в белоснежной кружевной рубашке и ярких полосатых брюках лениво обмахивался перьевым веером. Грациозно, по-кошачьи покачивая бедрами, он замер у перил старинного моста, делая вид, что любит темной водой, а сам тем временем ожидал связного.

На Пэй И по-прежнему красовалась изящная кошачья полумаска. Какой-то подвыпивший турист, проходя мимо, восторженно и развязно присвистнул ему вслед.

— Командир, я на месте, — раздался тихий голос.

Придерживая подол громоздкого исторического платья, на мост поднялась Не Янь. Ее лицо также скрывала карнавальная маска.

— Объект по-прежнему не обнаружен, — шепнула она.

Под тусклым светом уличного фонаря они стояли, тесно прижавшись друг к другу и тихо переговариваясь, точно влюбленная пара на свидании — для праздничной Венеции картина самая обыкновенная.

— Вообще ничего. Словно сквозь землю провалился.

— Это ненадолго, — едва слышно отозвался Пэй И. — Шестое чувство подсказывает мне, что убийца где-то рядом. Буквально затылком ощущаю его присутствие.

За последние дни это странное ощущение возникало уже не раз. Когда они с Шаочи гуляли по старинным улочкам Рима, когда лакомились мороженым из одного стаканчика, когда забывали обо всем на свете, целуясь в полумраке кинозала, или когда прятались под столом на приеме... Снова и снова ему казалось, будто чья-то невидимая, расчетливая воля следит за каждым их шагом, фиксируя малейшие детали.

— Да ладно вам, — прыснула со смеху Не Янь. — Командир, это у вас просто совесть нечиста! Каждый раз, как вы с боссом Чжаном нарушаете устав, вам чудятся шпионы за каждым углом... Кому сдалось за вами подглядывать, кроме нас с Подсолнухом? Даже А-Цзэ отворачивается, когда вы милуетесь.

— Вот еще, выдумываешь, — буркнул Пэй И, ни за что не желая признавать собственную

паранойю.

— Ну сами подумайте: даже если враг и ведет слежку, его цель — перехватить шифровки, заглушить наши рации или вычислить информаторов. На кой-черт серийному убийце караулить, как вы тискаетесь со своим хахалем? Это же чистой воды извращение! — Не Янь приснула так сильно, что едва не выронила маску в темные воды канала.

— Ребятки, а можно с вами сфотографироваться? — к ним с сияющими улыбками подошли несколько пожилых туристок из Китая. Очевидно, это были приехавшие на отдых подруги. Приняв разодетую парочку за уличных аниматоров, они шумно обступили их и навели палку для селфи. — Три-четыре, улыбочку!

Не Янь обреченно прикрыла ладонью лицо под маской, а вот Пэй И охотно кивнул и даже манерно взмахнул своим перьевым веером — перед камерой он держался безупречно. Красавец, почему бы и не попозировать?

На прощание женщины тепло помахали им руками. У Пэй И на душе потеплело, и он вдруг остро почувствовал тоску по родине. Вода в каналах отливала густой синевой; безмолвная и величественная, она напоминала гигантский сапфир, в глубинах которого отражалась вечная человеческая вера в чистоту и красоту.

— Командир, скажите... — Не Янь на мгновение замялась, подбирая слова. — Тот тип, которого мы встретили в подземельях Казерты... В черном плаще и маске чумного доктора. Вам не показалось, что он выглядит как-то... знакомо?

Изначально она хотела сказать «пугающе», но решила не кривить душой. Силуэт убийцы действительно показался ей до боли знакомым.

— Знакомо?

— Неужели вы сами этого не почувствовали?

— Я знаю, кого ты имеешь в виду.

— Значит, я права! — приглушенно воскликнула девушка.

— Тот, о ком ты подумала — особо опасный преступник Лэн Ху, — отрезал Пэй И тоном, не терпящим возражений. — Два года назад во время операции «Красное море» в Восточной Африке я лично задушил его. В базах данных его имя давно перечеркнуто траурной рамкой. Мои руки не знают промаха, я абсолютно уверен в том, что довел дело до конца. Мертвецы не воскресают, Не Янь. Это не Лэн Ху.

Пэй И никогда не верил в мистику, призраков или восставших из могилы мертвецов. За любой

чертовщиной всегда скрывался конкретный человек, решивший поиграть у них на нервах.

— Ну да, наверное, — пробормотала Не Янь. — Просто все эти ублюдки обожают маскарады.

В ходе операции «Красное море» двухлетней давности оперативникам групп НАФ-А и НАФ-Б пришлось действовать в условиях жесточайшего вооруженного конфликта между регулярной армией и повстанцами. Именно тогда они столкнулись с Лэн Ху — опаснейшим наемником, планировавшим захватить боевой корабль вместе с арсеналом тяжелого вооружения. Пэй И до сих пор отчетливо помнил ту безумную смертоносную погоню на фоне лазурного моря и ревущего пламени разрывающихся снарядов.

Та кампания выдалась невероятно кровопролитной. Один из лучших оперативников Шестого отдела погиб во время высадки на побережье, так и не вернувшись на родину вместе со своим командиром. Сам Пэй И, выполняя задание в глубоком тылу противника, едва не расстался с жизнью. Детали той спецоперации знали лишь единицы на самом верху, и распространяться о них было не принято; да и сам он никогда не ворошил прошлое.

В конечном итоге министерство одержало тяжелую, вымученную победу: ценой жизни боевого товарища они отстояли судно и спасли сотни мирных граждан. Тот день навсегда остался глубокой занозой в сердце командира Пэя — вечным немим укором, из-за которого каждый год в годовщину трагедии он приходил на берег залива в Линьване и молча выливал алкоголь на песок. Вскоре после тех событий состав группы НАФ-А претерпел кардинальные изменения: место павших заняли новый снайпер Чжун Цзэ под кодовым номером «Ноль-ноль-два» и специалист по техническому обеспечению Фань Гао — «Ноль-ноль-три».

Разумеется, новобранцы Чжун Цзэ и Фань Гао знать не знали о событиях тех лет. И только Не Дахуа, прошедшая с Пэй И огонь и воду, могла позволить себе озвучить эту пугающую догадку: почему скрывающийся под личиной чумного доктора убийца кажется ей знакомым?

В тот памятный день Пэй И оказался один на один с загнанным в угол, обезумевшим зверем. В ситуации смертельной угрозы, когда взять преступника живым не представлялось возможным, командир сделал свой выбор. Он убил его.

Лэн Ху был метисом, наполовину китайцем, наполовину африканцем — типичным «продуктом» эпохи войн и нелегальной миграции. Он вырос круглым сиротой в трущобах одного из полуразрушенных городов Северной Африки. Отец сбежал еще до его рождения, мать рано умерла — трагическая судьба, вызывающая лишь горькое сочувствие. Однако тяжелое детство никогда не оправдывало зверств, которые он творил в зрелом возрасте.

Мир изначально несправедлив, и равенства в нем нет. Миллионы людей влачат жалкое существование на грани нищеты, но сохраняют достоинство и человеческое лицо. Пэй И знал это лучше многих других.

Казненный им Лэн Ху носил такой же длинный черный плащ, а от всей его мощной фигуры веяло первобытной, свирепой силой выжженной солнцем Сахары. Разве что маска у него тогда

была совсем другой.

Впрочем, те расшитые вручную маски изготавливались в единичных экземплярах — возможно, прежняя модель просто закончилась? А единственный уцелевший оригинал давно хранился в сейфе вещественных доказательств штаб-квартиры МКИА. Означало ли это, что преемник Лэн Ху решил смастерить нечто более зловещее и винтажное, выбрав облик средневекового лекаря?

В одном Пэй И был уверен твердо: он лично контролировал погрузку трупа Лэн Ху, завернутого в плотный черный брезент наподобие древней мумии. Командир НАФ-А не совершал глупых ошибок на поле боя.

Единственным логичным объяснением оставалось одно: во время той спецоперации уцелел кто-то из сообщников Лэн Ху.

И теперь этот призрак прошлого явился за ним. Спланировал изощренную, многоходовую игру, ведомый лишь одним желанием — отомстить лично Пэй И. Что ж. Пусть попробует.

Вскоре Не Янь ушла. Следуя указаниям командира, она направилась на другой берег канала, чтобы проверить небольшие частные пансионы, где мог остановиться подозреваемый.

Пэй И намеренно остался на мосту еще на некоторое время. Он лениво окинул взглядом праздные толпы. Чжан Шаочи сегодня не было рядом — все ли с ним в порядке?

Вокруг шумел пестрый карнавал. Толпы туристов в изысканных костюмах стягивались к дверям баров и тратторий, щеголяя друг перед другом роскошным убранством в предвкушении завтрашнего грандиозного шествия. Торговцы джелато сворачивали лавки, в ветвях деревьев сиротливо трепетал чей-то потерянный воздушный змей, а блики вечерних фонарей причудливыми узорами расплывались по сонной глади венецианских вод.

Вдруг в отдалении Пэй И заметил знакомый силуэт. Мужчина на мгновение застыл у края мостовой, а затем уверенным, неспешным шагом направился прямо к нему.

Надо же, Чжан-цзун вырядился точь-в-точь как на недавнем приеме! Видимо, роль таинственного незнакомца пришлась ему по душе. Неужто не натешился своим маскарадом?

Строгий черный фрак, высокая шелковая шляпа-цилиндр и роскошная белая полумаска с серебряным шитьем — господин Чжан всегда выбирал образы, гарантировавшие ему статус главного героя в любой пьесе. Из-под маски скользила надменная, хищная ухмылка... Настоящий неисправимый нарцисс. Из тех мужчин, что не боятся возраста — с годами они становятся лишь чертовски обаятельнее, выезжая на чистой, первородной харизме.

Скрывая лица под масками, они медленно шли навстречу друг другу.

Легкий ветерок шевелил тонкое кружево на груди Пэй И.

В глазах Пэя заплясали веселые искры; он уже потянулся вперед, чтобы увлечь Шаочи за собой, как вдруг взгляд его машинально скользнул вниз, по приближающейся фигуре, и замер на обуви незнакомца...

Дорогие туфли безупречного кроя. И темные носки.

В то же мгновение мягкая, беззаботная улыбка сползла с лица Пэй И, а взгляд его обледенел.

В это самое время настоящий Чжан Шаочи, одетый в парадный костюм с изящной бархатной бабочкой, чинно сидел за столиком на первом этаже фешенебельного отеля.

Они договорились встретиться здесь. Он ждал.

Подобных уютных заведений, славящихся своим ароматным кофе и изысканными десертами, в Венеции было пруд пруди. Босс Цзян — эстет и сибарит до мозга костей — обожал такие места. Куда бы он ни направлялся, он возил с собой дорогую кофемашину и ручную мельницу для зерен. Сам Шаочи относился к кофе прохладно, отдавая предпочтение традиционному китайскому чаю — крепкому красному или улуну.

Встретиться ему предстояло именно с Боссом Цзяном. Цзян Хань внезапно вышел на связь вчера вечером: сообщил, что прибыл в Венецию по неотложным делам, остановился в этой гостинице и предложил старому другу выпить по чашечке кофе.

Шаочи принялся раздраженно посматривать на часы. Брови его сошлись на переносице.

Стрелка приближалась к семи вечера. Цзян Хань опаздывал уже на сорок минут, но так и не удосужился позвонить или прислать сообщение. Для деловых людей, привыкших ценить каждую секунду, подобное поведение граничило с откровенной грубостью. Время Чжан-цзуна тоже стоило денег!

В конце концов, эти свободные часы он с трудом выкроил из драгоценных минут, которые мог бы провести наедине со своим любимым.

В душе Шаочи зародилось нехорошее предчувствие. Он поднялся из-за столика, решительным шагом подошел к стойке администратора и потребовал позвать управляющего, чтобы разыскать Господина Цзяна.

Портье ожидаемо завел волюнку о конфиденциальности данных постояльцев. Не став слушать

лепет сотрудника, Шаочи небрежно швырнул на стойку платиновую карту лояльности всемирной сети отелей:

— А ну живо проверь по базе: зарегистрирован ли у вас постоялец по имени Цзян Хань? Находится ли он сейчас в номере?!

Администратор внутренне затрепетал. Вот же не повезло: загадочный Господин Цзян тоже являлся держателем платиновой карты этой сети, да и денег у него водилось поболее, чем у разгневанного гостя.

Однако выдержать тяжелый, испепеляющий взгляд Чжан Шаочи было выше человеческих сил. Поняв, что парень вот-вот сдастся, Шаочи негромко произнес, буравя его глазами:

— Если Босс Цзян останавливался у вас вчера или сегодня — просто кивни.

Администратор, мелко дрожа от страха, едва заметно покачал головой из стороны в сторону. Формально он ведь не произнес ни слова, а значит — правила конфиденциальности нарушены не были.

— Твою мать! — в сердцах выругался Чжан Шаочи и круто развернулся на каблуках.

Он пулей вылетел из дверей отеля. Вечерний прохладный ветер хлестнул по лицу, шевельнув полы пиджака. Мимо него нескончаемым потоком тянулись разряженные толпы туристов и празднично украшенные гондолы. Город утопал в ярких огнях иллюминации, многократно отражавшихся в темной глади каналов, отовсюду доносились смех, музыка и пьяные выкрики.

Неужели его банально обвели вокруг пальца? Выдумали предлог для встречи, чтобы убрать подальше от Пэй И? Классический маневр: «выманить тигра из лесной чащи».

Ну еще бы, в системе координат Чжан Шаочи именно он являлся тем самым грозным хищником, которого следовало нейтрализовать в первую очередь...

Он сорвался на бег, лавируя между прохожими вдоль набережной. Но как отыскать Пэй И на этих бесконечных мостах, в бурлящем море масок и костюмов?

— Лодку! — Чжан Шаочи заметался по причалу, на его висках вздулись вены. — Эй, гондольер! Быстрее, мне нужна лодка!

<http://bllate.org/book/19434/1999020>